

ПРОЛОГ

Меня уже не трясло — меня колотило, будто в конвульсиях!

Руки заледенели и плохо слушались, спина вросла в холодную стену, а в голове звенело все усиливающейся болью. Я до хруста в суставах сжала цевье автомата, вслушиваясь в шорох и глухое рычание. Не целясь, дождала тугой спуск. Автомат дернуло очередью, и темнота вокруг погрузилась в пугающее безмолвие, которое теперь раздирало мое хриплое дыхание. Сердце стучало уже не в ритме вальса, а каким-то квикстепом. Еще чуть-чуть — и оно просто не выдержит.

Кольнула мысль: а может, и к лучшему? По-хорошему, мечта у меня сейчас была лишь одна — умереть. С одним-единственным условием — быстро!

Меня передернуло от очередного рыка. Страх нахлынул новой порцией озноба, хотя казалось, что страшнее быть уже просто не может. С невероятным трудом поднялась, сплюнула кровь и неровно двинулась вперед по подземной кишке. Я почти не чувствовала ног и вдруг совершенно четко поняла: выйти из этих катакомб не получится. Я остановилась.

Где-то впереди капала вода, а за спиной уже совсем близко и отчетливо слышна поступь пса. Обернулась.

Фонарь на последнем издыхании поймал движение, четкое и быстрое.

Напряженно всматриваясь в темноту, я до скрежета сжала зубы, сглотнула и попятилась. В горле заскребло, и я едва успела подавить накативший кашель. Вскинутый автомат был готов пустить очередь по монстру, но того, что произошло в следующую секунду, я понять не успела: вместо твердого бетонного пола под ногами оказалась пустота. Крик сорвался с моих губ, эхом ударился о каменные своды.

Когда мозг, наконец, осознал случившееся, тело уже было в полете. Земля оказалась достаточно близко, но приземлилась я жестко, больно. Дыхание перехватило от удара. Не успела перевести дух, как вдруг оттуда, откуда только что рухнула я, на меня полетела, злобно рыча, слепошарая собака. Руки перецепили автомат, палец вжал спусковой крючок, отдача ощутимо толкнула неплотно прижатым прикладом в плечо, и последняя очередь гулким эхом прокатилась по подземелью. Пси́на взвизгнула в падении, я на рефлексам перекатилась, и труп мутанта рухнул ровно на то место, где полсекунды назад лежала я...

Медленно уходил адреналин. Непроизвольно брызнули слезы — от давящей безысходности и пульсирующей острой боли. Палец, сведенный судорогой, до сих пор бесполезно удерживал спуск.

Трясущиеся руки с трудом разжали автомат. Теперь-то он мне вряд ли поможет, ведь в Зоне нечего делать без оружия.

— Мне крышка... — прошептала я, распластавшись на земле и уставившись в своды катакомб.

Фонарь, продолжая тускнеть, через минуту и вовсе потух, а в глазах заплясали серебристо-белые пятна...

ГЛАВА 1

За окном продолжал скользить один и тот же пейзаж: такая же трава, такие же деревья, только через каждые сто — сто пятьдесят метров стояли покосившиеся знаки радиационного заражения.

Я прикрыла глаза, не вслушиваясь в то, о чем говорил гид, представившийся Павлом.

Машину тряхнуло, я едва успела отпрянуть от стекла — синяков мне только не хватало!

Дорога здесь была хуже, да и подвеска, выдавшая виды, не успевала проглатывать колдобины в потрепавшемся от времени асфальте.

Глаза уловили стелу с надписью «Чернобыльский район». Водитель небрежно ударил по тормозам. Машина, скрипнув изношенным механизмом, наконец остановилась посреди пустой дороги.

Все покинули далеко не комфортабельный автомобиль. Снаружи нас ждал хорошо экипированный военный с автоматом наперевес. Он был высокого роста, крепкого телосложения, с темными прямыми волосами, которые упрямо выбивались из-под банданы. Лицо смуглое, хотя, по рассказам, данная местность не отличалась солнечной погодой. Не вписывалась в мое представление о служивых лишь щетина, превратившаяся в современном мире в тренд, но точно не согласующаяся с воинским уставом.

— Познакомьтесь, — произнес Павел и, выдержав паузу, продолжил: — Это Дмитрий Сотников,

он сталкер. Я передаю вас в его надежные руки. После экскурсии, вечером, буду ждать на этом же месте, и мы с вами отправимся в гостиницу.

В отличие от Павла, который вжился в роль экскурсовода и вроде бы даже получал удовольствие от своей работы, сталкер Дмитрий явно не разделял энтузиазма коллеги, словно предстоящее путешествие было ему в тягость.

Перекинувшись парой фраз возле машины без лишних ушей, наши проводники разделились: Павел сел на переднее сиденье, а сталкер Дмитрий вернулся к нам.

Как только «Форд» потерялся вдаль и звук мотора перестал улавливаться слухом, пространство вокруг будто ожило, и мы остались один на один с дикой, практически лишенной человеческого влияния природой.

— Давно вы сталкер? — поинтересовался голос из толпы.

— Давно, — коротко ответил проводник и тут же увел разговор в нужное русло: — Сейчас вы должны будете прослушать и запомнить правила пребывания в Зоне отчуждения. Эти правила вы обязаны соблюдать на протяжении всего маршрута. Здесь не детский сад.

Да, первое впечатление меня не подвело. Этому Сотникову явно не нравилось то, чем он занимается. С другой стороны — чего не сделаешь ради денег?

Где-то в глубине группы послышался короткий смешок. В долю секунды левая рука сталкера, оголенная до локтя, дернулась к цевью автомата, но тут же вернулась обратно. Я даже напряглась: почуди-

лось, что проводник и впрямь готов пустить в ход оружие. Он стиснул зубы — осознал, наверное, нелепый порыв, коротко выдохнул и обвел нас тяжелым взглядом.

— Готовы слушать? Особо одаренные могут записать, говорить я буду медленно.

Теперь его голос зазвучал грубее, явно неподобающе для экскурсовода, и все романтические мифы женской половины группы по поводу магнетизма мужчины в форме испарились: проводник оказался обыкновенным занудой. Да и кто знает, чем он занимался, когда не выгуливал платные группы?

Правила, а скорее запреты, посыпались как из рога изобилия. Я пыталась вслушиваться, но сосредоточиться не получалось, и все, что я смогла запомнить, так это то, что отходить от старшего нельзя, трогать ничего нельзя, брать что-либо с собой нельзя категорически.

Затем он сделал внушительную паузу, чтобы все сказанное им усвоилось в памяти каждого из нас.

— С этого момента, — снова начал он, — я ваш проводник, и вы делаете то, что я говорю, без вопросов и возражений. Если кто-то хочет по-другому — снимается с маршрута прямо сейчас. Это понятно? — Он повысил голос и выжидающе замолчал.

— Понятно! — выкрикнула в унисон группа.

Пространство вокруг казалось безмолвным, лишь высоко в ветвях деревьев едва слышно посвистывал ветер. Казалось, это был не просто шум — кто-то

будто играл мелодию, едва заметную, которую можно было расслышать только в полной тишине.

Кричащее название «Зона» не навредило ужас по той простой причине, что я знать не знала, что там творится. Официальных данных не было, а если и были, то до ушей простого обывателя они явно не доходили. Остальное — всего лишь слухи, догадки, легенды и прочая фантазмагория. Но разве современного взрослого человека способны напугать догадки и мифы?

Однако чем дальше мы погружались в Зону, тем больше природа заставляла людей, привыкших к цивилизации, напрягаться на уровне ощущений от густой, бесконечно тянущейся тишины и возникающих в ней неожиданных и редких звуков.

Бросая призрачные тени, над деревьями возвышались обветшалые, угрюмо стоящие посреди покинутой территории высотки, окна которых скалились острыми, точно бритвы, кусками битых стекол. Катастрофа, изменившая судьбы миллионов людей и забравшая тысячи жизней, оставила вокруг себя безлюдные мертвые земли, города и села, тысячи гектаров навсегда забытых территорий...

— Эй! — с присвистом послышалось рядом.

Я обернулась на источник звука. Темноволосый парень в спортивной, явно брендовой одежде, хоть и выглядел довольно приятно, улыбался нагло и демонстративно вертел в руках какой-то брелок.

— Что? — без охоты спросила я.

— Сигареты есть?

— Не курю.

— Жаль, — не снимая с лица ухмылку, протянул он.

— Здесь в любом случае курить запрещено. Не слышал, что проводник сказал? — припомнила я.

— Да мне класть на этого проводника, — подавшись вперед, звенящим шепотом отозвался парень.

— Ясно.

У меня не было желания продолжать диалог, я развернулась и зашагала дальше.

Гостиничный хостел, в который нас привезли после экскурсии, представлял собой наследие ушедшей эпохи и обладал неким советским лоском — так, видимо, считали здешние владельцы. Посередине комнаты на старом полированном комодe стоял ламповый телевизор, а рядом, отражая дух того времени, пристроилась радиолa. Во всю стену висел затертый ковер в восточном стиле, а в углах стояли огромные неповоротливые кресла с пестрыми накидками.

Я заняла свободную койку со скрипучей панцирной сеткой. Уютом здесь не пахло. И кому только по душе подобный ретродизайн?

После ужина и душа я вернулась в комнату, принялась разбирать рюкзак, когда почувствовала, что рядом кто-то есть. Обернулась. Передо мной снова маячил сегодняшний собеседник.

— Эй, цыпа, с нами не хочешь? Я пива достал, — все с той же наглой улыбкой предложил он.

— Неинтересно.

— Что так?

— Разговаривать вначале нормально научись! — посоветовала я, положив рюкзак на тумбу.

— Чего?! — недовольно протянул он.

— Ты еще и глухой? Вали давай к дружкам своим!

— Слушай, ты...

— Слушай ты! — резко перебила я. — Прошу по-хорошему: отвали!

Меня передернуло от злости. Терпеть не могу людей, воспитанных по принципу «бери от жизни все, и неважно как»!

Он полсекунды пялился на меня, борясь с желанием выдать что-то грубое, но лишь хохотнул надменно и ретировался.

Спать не хотелось, мысли успокоить не получалось. Душевное напряжение понемногу начало спадать, но до сих пор давило зудящее нежелание смириться с собственным увольнением, принять наконец и послать все к черту!

Устроившись в полицию, я наивно полагала, что с помощью закона можно добиться справедливости. Но оказалось, что законы работают лишь вкуче с большими деньгами и что любую, даже самую дикую ситуацию можно изменить в пользу сорящих бабками «небожителей». Эта, казалось бы, шаткая конструкция не собиралась падать — напротив, она намеревалась стоять века. А все те, кто каким-то образом вмешивался в ее размеренное существование, вполне могли поплатиться — если не жизнью, то как минимум карьерой. Я пыталась объяснить, пыталась даже мириться с этими аксиомами, пока бюрократическая машина не коснулась меня лично.

Я оказалась перед выбором: наплевать на свои принципы и извиниться перед очередным «небожителем», нарушившим вполне земной закон, или наплевать на приказ начальства и уйти со службы.

— Перетопчется! — в итоге произнесла я, подписывая рапорт «по собственному».

...Компания, распивавшая пиво, зашлась вдруг заливистым смехом. Впрочем, угроза заткнуть рты, если продолжат в том же духе, подействовала мгновенно.

Я растянулась на жесткой неудобной кровати и закрыла глаза...

ГЛАВА 2

— На базе здешнего колхоза была создана экспериментальная ферма, — проговорил мужчина-самосел с седыми, почти белыми волосами, когда вся группа присела возле разведенного костра. — Был там, в основном, крупный рогатый скот, а еще американское чудо — калифорнийский червь, с помощью которого хотели очищать землю от радионуклидов, — подняв вверх указательный палец, закончил свою мысль старик.

К нашей компании в небольшой деревушке под странным названием Новошепеличи присоединились еще с десятков людей. Они были доброжелательны, радовались новым лицам.

Посиделки у костра быстро переросли в пикник. Угощали, по большей части, туристы, а то, чем хотели потчевать самоселы, не все из группы рискнули пробовать.

— А почему нельзя попасть на АЭС? — развязно спросил один из вчерашней «пивной» компании.

— Потому что это незаконно, и любой, кто пересечет Периметр без разрешения, будет арестован, — перехватил вопрос сталкер.

— Правильно, — по цепочке поддержали самоселы, кроме парня лет восемнадцати, который лишь закусил губу.

— Но там же уровень радиации снизился давно. Почему нельзя? — не унимался турист.

Вскоре в полемику начали вступать и другие участники группы, чем вызвали явное недовольство, отпечатавшееся на физиономии вояки.

— Это режимный объект. По Периметру кордоны, внутри Периметра — дикие звери и радиация! — резко ответил он.

Ага! Радиация! На мой взгляд, это было очередной байкой, чтобы никто и не помышлял сунуться туда.

— А как же сталкеры, которые там? — отозвался мой вчерашний собеседник, буквально сняв с языка это мое заключение.

— Сталкеры, которые там, — преступники! У военных не принято жалеть таких! — рыкнул вояка, и желание задать еще один вопрос у туриста отпало, он вполголоса сказал что-то явно нецензурное, невзначай посмотрев на меня.

Еще немного, и разговоры о том, почему нельзя попасть за кордон, сошли на нет и снова вернулись в русло событий ликвидации.

Слушая местных, которые практически воочию видели глобальную катастрофу, я невольно поежилась. А интересно, смогли бы мои современники повторить героический поступок ликвидаторов черновыльской катастрофы? Нет. Не смогли бы. Не осталось в них чувства долга, сострадания, жертвенности! Те люди были другими, не чета нынешним охамевшим индивидам!

Я с сожалением выдохнула. Мне стало стыдно за свое поколение, потерявшее моральный облик и хоть какое-то понимание героизма.

Из мыслей меня выдернул юноша-самосел. Отойдя в сторонку, он присел на корточки, бросая взгляд на своих родных и соседей, взял в руки прут и принялся нервно гнуть его из стороны в сторону. Никто не обратил внимания на молодого отшельника. Все были поглощены разговорами в последний день экскурсии, будто пытались запомнить больше, чем могли.

Я поднялась и медленно подошла к парню, который не сразу отреагировал на меня, погруженный в какие-то свои размышления.

— Привет, — поздоровалась я и устроилась рядом. — Как тебя зовут?

— Ви... Виктор, — растерянно представился он, уставившись на меня.

— Меня Мира.

Я протянула руку парню, он пожал, хоть и не сразу.

— Ты здесь с рождения?

— Нет. Лет десять всего.

— Сколько ж тебе было, когда сюда попал? Совсем ребенком, получается?

— Сейчас мне семнадцать! — с гордостью сообщил он.

Ну-ну. Прямо настоящий взрослый мужчина! Ладно, главное — напряжение понемногу стало уходить из его голоса.

— И как тебе здесь? — Я старалась задавать вопросы легкомысленным тоном скупающей туристки, чтобы ненароком не спугнуть.

— Нормально. Я привык уже.

— Не страшно?

— Говорю же — нормально! — отозвался он, и мне показалось, что фраза из уст юноши прозвучала с превосходством.

— Скажи, можно как-то безопасно миновать здешний кордон? — тихо спросила я, и парень, уже вроде бы настроившийся на разговор, снова насторожился. — Мне очень нужно туда, — продолжила я, пожалев, что слишком рано задала этот вопрос. — Правда нужно!

Я почувствовала, как напрягается тело от ожидания его ответа. Вот сейчас он встанет, подойдет к вояке-проводнику, и тогда я точно не попаду в Зону. Точнее, попаду, только в другую.

— Зачем? — так же тихо поинтересовался парень; теперь в его взгляде появился интерес. — Там опасно. Ваш сталкер прав. За Периметр ходить запрещено, — озвучил он официальное предупреждение, слышанное мной уже не раз, и слегка оглянулся.

— У меня там есть знакомый сталкер. — Я и не заметила, как перешла на шепот.

— Военные на кордоне могут стрелять без предупреждения, — тревожно проговорил он и замолчал.

— Так, значит, ты был там? — Я подалась вперед. Вопрос получился в лоб. Парень занервничал пуше прежнего, но через секунду, оценив, что я нервничаю ничуть не меньше, коротко выдохнул:

— Был.

— Расскажи, как попасть за Периметр?

Я все еще не была уверена в нем, однако выбора у меня не имелось. По крайней мере, он сможет посоветовать того, кто проведет меня через кордон.

— Сама ты туда не попадешь. Я бы не советовал.

— Я заплачú, — поспешила заверить я.

В глазах парня блеснуло. Ну еще бы — деньги решают все! Можно и не приводить никаких других аргументов, фраза «Мне очень надо!» никогда не перевесит обещание заплатить, так уж устроены современные люди. Впрочем, я тут же осеклась: живущие здесь не видят ни нормальной еды, ни других благ цивилизации, и хотя они сами обрекли себя на такую жизнь, с их стороны глупо отказываться от возможности заработать.

— Твой знакомый сталкер... не буду пытаться, кто именно... Он уже водил тебя за Периметр? — пристально уставившись на меня, спросил парень.

— Водил, — уверенно соврала я.

Виктор еще несколько секунд смотрел мне в лицо.

— А чего тогда он сам за тобой не придет?

— Связаться не могу. Проведи меня за Периметр, и я тебе заплачу, сколько скажешь!

Парень сжал губы, непроизвольно бросив взгляд на родных.

— Когда? — выдохнул он.

— Завтра. Мы ночуем в Копачах, — шепотом доложила я.

— Недалеко. Приходи завтра к въезду в Новошепеличи, в районе пяти. Заплатишь, и я проведу тебя через кордон.

— Спасибо, — произнесла я, почувствовав, как скользнула улыбка по губам.

— Не стоит разбрасываться этим словом, особенно там, — серьезно сообщил парень.

— Пора! — послышался от костра резкий голос проводника.

Попрощавшись с хозяевами, наша группа направилась к побитому жизнью старому «Форду», со скрипом притормозившему на дороге.

Я замерла возле стойки, за которой никого не обнаружилось, и не сразу заметила, что у столика подле окна сидит наш вояка. Он пил чай — все в той же экипировке и с той же военной выправкой, разве что бандану снял. Автомат покоился на соседнем стуле.

Я сглотнула, коротко посмотрела на сталкера и вновь повернулась к стойке, чувствуя на себе его буравящий взгляд.

Ожидание бесило. Я уже готова была уйти, но...

— Администратор отошла. Помощь нужна? — подал голос вояка, и я дергано обернулась.

— Нет, мне просто купить воды, — промямлила я.

— Понятно, — с деланным равнодушием ответил сталкер и вновь принялся за чай.

Долго администратора и по совместительству продавца ждать не пришлось. Девушка без капли макияжа на лице с улыбкой продала мне бутылку воды, и, поблагодарив ее, я зашагала на выход. Непроизвольно скосила глаза на сталкера-проводника — он этот взгляд поймал, и я поспешно отвернулась.

Завтра все закончится.